

ИНОГДА
СНЫ ЗНАЮТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ МЫ...

БЕЗОПАСНОСТЬ —
ЭТО ЗАБОТА.
ИЛИ
КОНТРОЛЬ?

ЦЕНА СВОБОДЫ

— СЕЗОН 2 —

ТОЛСТИКОВ

— Часть 1 —

ДОМ С ОТКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ

ТОМ 2

Дом с открытыми глазами

ИНОГДА
САМЫЕ КРАСИВЫЕ
ДВЕРИ
СКРЫВАЮТ
ПРАВДУ.

МАМ,
НЕ ГОВОРИ
ЕМУ...



Доверие?
Забота?
Контроль?
Где заканчивается
любовь?..

— НАДЕЖДА ПОРОШИНА —



СЕМЕЙНАЯ
ДРАМА



ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР



ЖИЗНЕННЫЕ
ИСПЫТАНИЯ



ДОМ
КАК ВЫБОР

НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ НЕ ЗАКРЫВАЕТ ГЛАЗА. ОНА ОТКРЫВАЕТ ДОМ.

Надежда Порошина
ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН
2. Толстиков. Часть 1. Дом с
открытыми глазами. Том 2.
Дом с открытыми глазами

*<https://litres.ru/74488767>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Лина переступает порог дома, который должен стать началом счастливой семьи. Но уже первое утро приносит новые правила: двери нельзя закрывать, отдых нужно заслужить, а любое несогласие Алексей называет неблагодарностью. Пока он пьёт пиво, строит забор и рассуждает о воспитании, дети, быт и беременность остаются на Лине.

Вскоре камеры переходят с улицы в дом. Теперь Алексей видит комнаты, слышит разговоры и сохраняет записи, где есть реакция Лины, но нет того, что ей предшествовало. Рождение Юли не приносит заботы, а деньги Лины становятся условием семейного мира. Когда угроза развода сменяется угрозой отнять дочь, Лина понимает: ей придётся сохранить правду самой.

«Дом с открытыми глазами» — второй том семейно-психологической саги «Цена свободы», остросюжетный роман

с элементами мистики о любви, доверии и первых признаках опасности, которая превращает дом в ловушку. Основано на реальных событиях.

Содержание

Пролог. Все комнаты видны	5
Глава 11. Первое утро дома	20
Глава 12. Четыре литра тишины	49
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Надежда Порошина

ЦЕНА СВОБОДЫ. СЕЗОН

2. Толстиков. Часть 1. Дом с открытыми глазами. Том 2.

Дом с открытыми глазами

Пролог. Все комнаты видны

В ту ночь дом не спал.

Он смотрел.

Красная точка над воротами видела двор, калитку и дорогу.

Камера в кухне — стол, плиту, окно и дверь.

Камера в коридоре — вход, лестницу и комнаты, которые хозяин требовал оставлять открытыми.

Прямо перед Алексеем на экране телефона дом распадался на отдельные прямоугольники.

Двор.

Кухня.

Коридор.

Комнаты.

Все были на месте.

Лина сидела у стола с ребёнком на руках.

Павел лежал на кровати.

Юля спала.

Двери были открыты.

Свет выключен.

Ничего не происходило.

Именно такую картину Алексей считал безопасностью.

Он не знал, что изображение можно видеть и всё равно не понимать.

До того утра, когда дом впервые откроет внутренние глаза, оставались месяцы.

До ночи, когда Лина поймёт, как их закрыть, — ещё больше.

Пока же будущее показывало ей лишь отдельные кадры.

Не последовательность.

Не даты.

Не объяснения.

Только возможные последствия.

Во сне Лина стояла в прозрачном доме.

Стены исчезли. Потолок растворился. Сверху были видны все комнаты, словно кто-то снял крышу и выставил их жизнь

на обозрение.

Вот кухня.

Лина готовит ужин одной рукой и держит Юлю другой.

Вот комната Павла.

Мальчик сидит за столом, но постоянно оглядывается на дверь.

Вот коридор.

Алексей стоит перед камерой и говорит:

— Я должен знать, что происходит в моём доме.

Вот двор.

Ровные доски.

Недостроенный сарай.

Бутылки возле стены.

Каждая сцена была настоящей.

И каждая рассказывала неправду.

На одном кадре Лина просто сидела.

Не было видно, что перед этим она несколько часов носила плачущего ребёнка.

На другом Павел отказывался работать.

Не было видно, что он только вернулся из школы и ещё не сделал уроки.

На третьем Алексей спокойно разговаривал.

Не было слышно, как минуту назад он кричал из слепого угла.

— Почему камеры показывают не всё? — спросила Лина.

Рядом появилась девочка в светлой ночной рубашке.

Та самая, которую Лина ещё не родила.

— Потому что у каждого глаза есть граница, — ответила она.

— Но он может поворачивать их.

— Всё равно есть то, чего они не видят.

— Что?

Девочка коснулась её груди.

— Причину.

Потом — виска.

— Решение.

И наконец положила ладонь на живот Лины.

— Будущее.

Красные точки вспыхнули одновременно.

Камера в коридоре повернулась.

Павел закрыл дверь своей комнаты.

— Открой, — раздался голос Алексея из динамика.

Мальчик замер.

— Я уроки делаю.

— Для уроков дверь закрывать не надо.

— Мне мешает шум.

— Открой.

Дверь медленно распахнулась.

Объектив остановился напротив комнаты.

— Вот так, — сказал металлический голос. — В семье

нечего скрывать.

Лина подошла к камере и посмотрела прямо в чёрный круг.

— А человеку можно побыть одному?

— Зачем?

— Просто побыть.

— От семьи не устают.

— Устают от наблюдения.

— Если ты ничего плохого не делаешь, тебе нечего бояться.

Эта фраза закрывала любую дверь лучше замка.

Девочка взяла Лину за руку.

— Не спорь сейчас.

— Почему?

— Он сохраняет только твой ответ.

Лина обернулась.

На стене появился экран.

На нём она стояла перед камерой и повышала голос:

— Хватит за нами следить!

Голос Алексея доносился издалека:

— Я спокойно разговариваю.

— Ты не даёшь нам дышать!

— Опять истерика.

Запись обрывалась.

На последнем кадре Лина закрывала объектив ладонью.

Под видео уже появилась подпись:

ОНА БЕСПРИЧИННО КРИЧАЛА ПРИ ДЕТЯХ.

— Но это не начало, — сказала Лина.

— Начало принадлежит тому, у кого архив.

— Тогда мне никто не поверит.

— Не сразу.

— Что значит «не сразу»?

Вместо ответа девочка указала на кухонный стол.

Там лежала пустая папка.

Лина открыла её.

Внутри появилась первая страница.

Утро. Он разбудил Павла и потребовал надеть халат.

Вторая.

Крик из-за маленькой ложки.

Третья.

Павел носил доски до боли в руках.

Четвёртая.

Сломанная синяя машинка.

Пятая.

Около четырёх литров пива в день. Управление машиной после алкоголя.

Шестая.

Деньги на строительство. Разговоры о разводе после отказа переводить.

Седьмая.

Камера сохранила реакцию, но не причину.

Страницы появлялись одна за другой, пока тонкая папка не стала тяжёлой.

— Я всё это напишу? — спросила Лина.

— Ты начнёшь с того, что покажется слишком мелким для доказательства.

— А потом?

— Потом мелочи соединятся.

— Во что?

Девочка посмотрела на прозрачный дом.

— В систему.

Все комнаты снова появились перед ними.

Теперь внутри каждой тянулись тонкие красные нити.

От камеры — к телефону Алексея.

От телефона — к его словам.

От слов — к страху Павла.

От страха — к молчанию Лины.

От молчания — к следующему правилу.

— Он думает, что камеры защищают дом, — сказала Лина.

— Нет.

— Он сам так говорит.

— Сначала, возможно, верит.

— А потом?

— Понимает, что тот, кто наблюдает, первым выбирает значение увиденного.

На одном из экранов Алексей стоял возле ворот.

— Она ничего не делает, — говорил он.

Камера показывала Лину, сидящую у окна.

Не показывала ребёнка у неё на груди.

— Она настраивает сына против меня.

Камера показывала, как мать и мальчик шепчутся.

Не передавала, что Павел рассказывал о школьной обиде.

— Она сама постоянно кричит.

Камера показывала Лину с поднятой рукой.

Не показывала Алексея, стоящего за пределами кадра.

— Она ушла без причины.

Последняя запись показывала пустой двор.

Лина вздрогнула.

— Я уйду?

— Это одно из будущих.

— С детьми?

— Да.

— Он позволит?

Девочка впервые улыбнулась.

— Разве дверь открывают только после разрешения?

Перед Линой возник электрический щит.

Рядом — прозрачная коробка с роутером, модемом и резервным аккумулятором.

На связке лежал маленький запасной ключ.

— Что это?

— Порядок действий.

— Для чего?

— Чтобы дом не увидел, как ты перестанешь ему принадлежать.

Лина коснулась первого автомата.

Погасла кухня.

Второго.

Исчез коридор.

Потом открыла коробку и отсоединила резервное питание.

Красная точка над воротами умерла последней.

Дом стал тёмным.

Слепым.

Обычным.

— Теперь можно уходить? — спросила Лина.

— Теперь можно собирать вещи.

— А если он позвонит?

— Не отвечай.

— Если вернётся раньше?

— Поэтому ты должна знать его график.

— Если заберёт Юлю?

— Поэтому документы должны быть у тебя.

— Если скажет, что я виновата?

— Скажет.

— Если ему поверят?

Девочка посмотрела на папку.

— Поэтому ты начнёшь сохранять всё задолго до ухода.

Лина опустила глаза.

На полу лежала синяя машинка с приклеенным колесом.

Рядом — зелёный ключ.

— А если я пока не готова?

— Тогда не уходи сегодня.

— Когда?

— Когда страх остаться станет сильнее страха уйти.

В темноте раздались три удара.

Тук.

Тук.

Тук.

Дом изменился.

Теперь за стеной лежал человек.

Он пытался позвать на помощь, но не мог произнести ни слова.

Камеры не видели его.

Алексей находился на работе.

Красные точки продолжали смотреть в пустые комнаты, охраняя порядок, в котором живой человек мог умереть за

стеной.

— Кто это? — спросила Лина.

— Тот, кто перестанет говорить.

— Юра?

Девочка не ответила.

— Я спасу его?

— Если услышишь.

— Но камеры должны предупредить.

— Камеры слышат только там, куда их направили.

— А я?

— Ты слышишь то, чего ещё нет.

— Зачем?

— Чтобы изменить.

Три удара прозвучали снова.

Громче.

Лина бросилась к стене.

Но коридор растянулся.

Красные точки поворачивались вслед за ней.

— Быстрее! — крикнула девочка.

— Я не успеваю!

— Тогда перестань идти туда, куда смотрят.

— А куда?

Девочка указала на узкую дверь, которой прежде не было.

— В слепое место.

Лина открыла дверь и увидела утро.

Самое первое в новом доме.

Павел спал в своей комнате.

Внутренних камер ещё не было.

Только одна красная точка горела снаружи, над воротами.

Алексей стоял в коридоре и говорил:

— Подъём.

— Сегодня выходной, — отвечала Лина.

— Выходной не значит, что надо валяться.

Всё ещё можно было назвать обычной семейной притиркой.

Мужчина привык жить один.

Ребёнок привыкает к новому дому.

Женщина учится быть женой.

Громкий голос — просто характер.

Требование — забота.

Контроль — тревога.

Правило — порядок.

Пиво — не водка.

Камера — безопасность.

Лина смотрела на себя прежнюю и хотела предупредить:
не оправдывай каждую вещь отдельно.

Смотри, во что они складываются вместе.

Но женщина из прошлого не слышала.

Она шла на кухню готовить завтрак.

— Почему я не могу сказать ей? — спросила Лина.

— Можешь.

— Тогда почему она не слышит?

— Потому что любовь в начале говорит громче будущего.

Девочка исчезла.

Прозрачные стены вернулись на места.

Дом снова стал обычным.

Крепким.

Тёплым.

Почти безопасным.

На полке напротив входа стояла семейная фотография.

Алексей в центре.

Лина рядом.

Павел между ними.

Все смотрели в объектив.

Юли на снимке ещё не было.

Но её будущее уже вошло в дом раньше неё.

Лина подошла к фотографии.

В стекле отражалась красная точка.

Она подняла руку и закрыла её ладонью.

— Запомни, — прошептал детский голос. — Камера видит твою руку. Но не видит, почему ты её подняла.

Лина проснулась.

Рядом спал Алексей.

За окном начинался рассвет.

Внутренних камер пока не существовало.

Папка доказательств была пуста.

Юля ещё жила только в одном из возможных будущих.

Павел спал за приоткрытой дверью.

Сегодня начиналось их первое утро в доме.

Алексей открыл глаза, посмотрел на часы и встал.

Через минуту его голос раздался в коридоре:

— Пашка, подъём!

Лина лежала неподвижно.

Сон уже распадался.

Она помнила прозрачные стены.

Красные точки.

Пустые комнаты.

Три удара.

Но смысл ускользал.

Осталось лишь необъяснимое ощущение:

однажды этот дом увидит почти всё.

И именно поэтому самое важное придётся сделать тогда,
когда он ослепнет.



Глава 11. Первое утро дома

— Пашка, подъём!

Голос Алексея прошёл по коридору раньше солнечного света.

Павел заворочался в кровати и натянул одеяло на голову. Лина уже стояла в дверях его комнаты. Она успела накинуть халат, но ещё не успела окончательно проснуться.

— Дай ему полчаса, — попросила она. — Сегодня выходной.

— Выходной не значит, что надо валяться до обеда.

На часах было шесть минут седьмого.

— Он и не собирается до обеда.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я его мама.

Алексей посмотрел на неё с коротким недовольством. Потом снова перевёл взгляд на кровать.

— Павел, я второй раз повторять не буду.

Мальчик выглянул из-под одеяла.

— Я встаю.

— Тогда вставай, а не разговаривай.

Лина вошла в комнату и коснулась плеча сына.

— Иди умойся. Я пока завтрак приготовлю.

Павел сел, опустив босые ноги на пол. Волосы торчали в разные стороны, глаза ещё не открылись до конца.

— Холодно, — пробормотал он.

— Халат надень, — сказал Алексей.

Павел оглянулся. Халат лежал в коробке под стопкой вещей, которые они не успели разобрать.

— Я потом найду.

— Что значит «потом»? Тебе сказали надеть халат.

— Он в коробке, — объяснила Лина.

— Значит, пусть достанет.

— Лёш, он сейчас умоется и оденется.

— А если простынет?

Это снова было сказано тем особенным тоном, который превращал требование в заботу.

Лина промолчала.

Павел встал на колени перед коробкой и начал вытаскивать вещи. Футболка, спортивные брюки, полотенце, свитер. Халат оказался почти на самом дне.

— Вот, — сказал Алексей, когда мальчик наконец надел его. — Разве сложно?

Павел покачал головой.

— Тогда почему всё надо повторять?

— Не надо, — тихо ответил он.

— Что?

— Ничего.

Алексей вышел из комнаты.

Лина присела рядом с сыном.

— Не расстраивайся.

— Я не расстроился.

— Он просто хочет, чтобы ты не замёрз.

Павел посмотрел на неё долгим сонным взглядом.

— А почему тогда он говорит сердито?

Лина поправила воротник его халата.

— Он всегда так говорит. У него голос такой.

— В парке был не такой.

Она не нашла ответа.

— Иди умывайся, — сказала Лина. — Я сделаю тебе какао.

На кухне Алексей открыл окно.

В дом ворвался холодный воздух.

— Зачем? — спросила Лина, ставя чайник.

— Душно.

— Паша только сказал, что замёрз.

— Пусть одевается нормально.

Она закрыла дверь в коридор, чтобы сквозняк не шёл в комнаты, достала сковороду и открыла холодильник.

Продуктов было много. Алексей действительно привозил всё необходимое: хлеб, молоко, мясо, яйца, крупы. На нижней полке стояли ровные ряды бутылок с пивом.

Павел вошёл уже одетым.

— Можно хлопья?

— Сделаю кашу, — сказала Лина.

— Я не хочу кашу.

— Тогда бутерброд?

— Пусть ест нормальную еду, — вмешался Алексей. —

Каша полезнее.

Павел сел за стол.

Лина достала молоко.

— Овсяную или манную?

— Овсяную.

— Вот и договорились.

— Не надо с ним обо всём договариваться, — сказал Алексей. — Ты мать. Приготовила — он поел.

Лина обернулась.

— Я спросила, какую кашу он хочет.

— А завтра он скажет, что хочет одни конфеты.

— Не скажет.

— Откуда ты знаешь?

Снова тот же вопрос.

Она знала, потому что восемь лет растила сына. Знала, что он не любит манную кашу из-за комочков, что в чай кладёт одну ложку сахара, что после сна ему нужно несколько минут тишины. Знала, когда он действительно капризничает, а когда просто устал.

Но теперь каждое её знание будто требовало доказательств.

— Просто знаю, — ответила Лина.

Алексей пожал плечами.

— Как хотите.

Он достал из холодильника бутылку пива и поставил на стол.

Лина посмотрела на часы.

Было семь двадцать.

— Ты уже будешь пиво?

— А что?

— Утро.

— У меня выходной.

Он открыл бутылку.

Крышка звякнула о стол и покатилась по клеёнке.

Павел проводил её глазами.

— Поставь на плиту маленькую кастрюлю, — попросила Лина.

Мальчик поднялся.

— Какую?

— Серую, с двумя ручками.

Павел открыл нижний шкаф.

— Здесь их две.

— Маленькую.

— Эта?

— Нет, рядом.

Алексей сделал глоток и поморщился.

— Вы оба без меня ничего найти не можете?

Лина повернулась.

— Он первый раз на этой кухне.

— И что? Глаза есть.

Павел достал нужную кастрюлю.

— Нашёл.

— Великая задача, — сказал Алексей.

Мальчик поставил её на плиту и вернулся за стол.

Лина налила молоко, достала овсянку. Она чувствовала, как утро, ещё не начавшись, уже стало тесным.

Будто на кухне не хватало воздуха, хотя окно оставалось открытым.

Каша получилась густой.

Лина поставила тарелку перед Павлом, рядом положила маленькую ложку.

— А мне где? — спросил Алексей.

— Ты будешь кашу?

— А я не человек?

— Ты не говорил, что хочешь.

— Надо было отдельно сказать?

Лина посмотрела на оставшуюся кашу. Её хватило бы ещё на одну небольшую порцию.

— Сейчас положу.

Она открыла ящик и стала искать вторую маленькую ложку.

Большие лежали сверху. Чайные перемешались с вилками и ножами. Лина вынула одну — погнутую, затем другую —

с короткой ручкой.

— Где нормальные ложки? — спросила она.

— Какие нормальные?

— Маленькие.

— Там.

— Я не вижу.

— Посмотри внимательно.

Лина снова перебрала приборы.

— Лёш, здесь одна нормальная, она у Паши. Остальные какие-то старые.

— Значит, плохо смотришь.

— Может, ты покажешь?

Он поставил бутылку на стол.

— Господи, без меня уже ложку найти не можете.

Голос ударил по кухне так резко, что Павел замер с открытым ртом.

Алексей подошёл к ящику, выдвинул его до конца и начал шумно перебирать приборы.

— Вот. Вот ещё одна.

Он поднял ложку, которая лежала под половником.

— Она столовая.

— Какая разница?

— Ты сказал, что маленькая есть.

— Я сказал, что ложки в ящике. Неужели из-за такой ерунды надо устраивать целое событие?

Лина медленно закрыла ящик.

— Это не я кричу из-за ложки.

Он повернулся к ней.

— Я не кричу.

— Ты говоришь так, что ребёнок перестал есть.

Алексей посмотрел на Павла.

— А он здесь при чём?

Павел быстро опустил глаза и зачерпнул кашу.

— Вот видишь, ест.

Лина положила Алексею кашу большой ложкой.

— Держи.

— Мне уже не надо.

— Ты только что хотел.

— Аппетит пропал.

Он взял бутылку и вышел из кухни.

Дверь хлопнула.

Павел продолжал есть слишком быстро.

— Не торопись, — сказала Лина.

— Я не тороплюсь.

— Ты можешь не доедать.

— Он рассердится.

— Не рассердится.

— Уже рассердился.

Лина села напротив сына.

В её тарелке каши не было. Она приготовила завтрак, разложила еду, нашла ложки, но о себе не подумала.

Так бывало часто и раньше.

Разница заключалась лишь в том, что прежде никто не стоял рядом и не объяснял, насколько неправильно она всё делает.

После завтрака Алексей вернулся с улицы так, словно ничего не произошло.

— Пашка, доедай и пойдём.

— Куда?

— Во двор.

— Я хотел комнату разобрать.

— Вечером разберёшь.

— А что во дворе?

— Забор посмотрим. Доски перенесём.

Лина вытирала стол.

— Он только вчера ветки таскал.

— И что?

— Пусть сначала освоится.

Алексей посмотрел на неё с удивлением.

— Каким образом? Сидя среди игрушек?

— Почему всё обязательно через работу?

— Потому что это дом. Здесь никто просто так не сидит.

— Он ребёнок.

— Я в его возрасте уже всё умел.

— Он не ты.

Последние слова вырвались прежде, чем Лина успела

остановиться.

Алексей прищурился.

— Это точно.

Павел переводил взгляд с одного взрослого на другого.

Лина почувствовала, как снова возникает необходимость сгладить разговор.

— Я не говорю, что он не будет помогать. Просто не загружай его в первое же утро.

— Кто его загружает? Десять досок перенести — уже ка-торга?

— Я перенесу, — быстро сказал Павел.

— Никто тебя не заставляет, — ответил Алексей.

Мальчик промолчал.

— Хочешь — иди, не хочешь — оставайся с мамой.

Выбор прозвучал как проверка.

Лина уже знала, какой ответ теперь даст Павел.

— Пойду.

— Вот и хорошо. Переодевайся.

Алексей вышел.

Павел посмотрел на мать.

— Если я останусь, он опять рассердится?

— Он сказал, что не рассердится.

— Но рассердится?

Лина не смогла солгать уверенно.

— Иди помоги немного. Потом я тебя позову.

— Хорошо.

Он вернулся в комнату переодеваться.

Лина осталась на кухне.

На столе стояла недоеденная каша Алексея. Рядом — пустая бутылка.

Она взяла тарелку, собираясь выбросить кашу, но остановилась.

Почему-то ей было жаль не еды.

Утра.

Она представляла его иначе: они долго спят, вместе завтракают, Павел разбирает игрушки, Алексей шутит, она при-
выкает к новой кухне.

Вместо этого сын работал во дворе, Алексей пил пиво, а сама Лина уже пыталась сделать так, чтобы никто больше не рассердился.

Но первый день ничего не доказывал.

Людям действительно требовалось время, чтобы привыкнуть друг к другу.

Так она решила.

И поставила тарелку в раковину.

Дом быстро нашёл для неё работу.

В спальне оставались сумки. В комнате Павла — коробки. В ванной нужно было освободить полку, на кухне — пере-
мыть посуду, потому что часть тарелок пахла сыростью. Постельное бельё следовало перестелить, полы — протереть

после переезда, одежду — разложить.

Лина переходила из комнаты в комнату, почти не останавливаясь.

Через окно она видела двор.

Алексей стоял возле забора с бутылкой в руке и показывал, куда складывать доски. Павел носил их по одной. Некоторые были длиннее его самого.

Сам Алексей несколько раз поднял тяжёлые брусья, затем начал что-то измерять рулеткой.

Со стороны всё выглядело как совместная работа.

Мужчина учит мальчика.

Мальчик помогает мужчине.

Только Лина замечала, что Павел уже устал. Он менял руки, останавливался, чтобы передохнуть, несколько раз смотрел на окно.

Она вышла на крыльцо.

— Паш, иди попей.

— Он потом попьёт, — сказал Алексей. — Осталось четыре доски.

— Он вспотел.

— Значит, работает.

— Лёш, пусть отдохнёт.

Алексей опустил рулетку.

— Ты каждый раз будешь вмешиваться?

— Когда увижу, что он устал, буду.

— Тогда чему он научится?

— Тому, что отдыхать, когда устал, нормально.

Между ними повисла тишина.

Камера над воротами медленно повернулась. Красная точка остановилась на Лине.

Алексей первым посмотрел вверх.

— Иди, Павел. Попей.

Мальчик сразу положил доску.

— Спасибо.

Он побежал к дому.

— Не бегай с участка! — крикнул ему вслед Алексей. —
Гвозди валяются!

Павел перешёл на шаг.

Лина хотела уйти вместе с сыном, но Алексей остановил её.

— Подожди.

— Что?

— Ты сейчас меня при нём выставила непонятно кем.

— Я попросила дать ему воды.

— Ты показала, что мои слова ничего не значат.

— Он не твой рабочий.

— А я не его враг.

— Тогда почему он боится попросить перерыв?

Алексей сжал губы.

— Потому что ты его таким сделала. Он на тебя после каждого слова смотрит.

— Он смотрит, потому что я его мать.

— Нет. Потому что знает: ты всегда разрешишь не делать то, что не хочется.

Лина почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Ему восемь лет.

— Вот именно. Пора уже понимать ответственность.

— За что он здесь отвечает?

Алексей обвёл рукой двор.

— За дом. Как все мы.

— Он только вчера сюда приехал.

— Ты сама сказала — приехал. Не в гости.

Красная точка продолжала смотреть на них.

Лина заметила её и понизила голос.

— Мы договорились привыкать постепенно.

— Мы так и делаем.

— Это ты называешь постепенно?

Алексей взглянул на камеру, потом на неё.

— Не устраивай сцену на улице. Соседи услышат.

— Я не устраиваю сцену.

— Тогда иди в дом.

Он произнёс это негромко.

Без крика.

Почти спокойно.

Но именно в этом спокойствии Лина впервые услышала не просьбу.

Распоряжение.

Она посмотрела на окно кухни. За стеклом стоял Павел

со стаканом воды и наблюдал за ними.

Лина не хотела продолжать при нём.

— Хорошо, — сказала она. — Но он больше не выйдет.
На сегодня хватит.

Алексей усмехнулся.

— Как скажешь.

Эта уступка не принесла облегчения.

Потому что прозвучала не как согласие.

Как отсрочка.

В доме Павел сидел за столом.

— Ты из-за меня поругалась? — спросил он.

— Мы не поругались.

— Я могу ещё доски перенести.

— Не надо.

— Я не сильно устал.

Его ладони покраснели. На одной появилась тонкая царапина.

Лина промыла её перекисью.

— Больно?

— Нет.

— Зачем ты говоришь, что не устал?

Павел пожал плечами.

— Чтобы он не злился.

— Ты не обязан всё делать только потому, что боишься

кого-то разозлить.

— А ты делаешь.

Лина замерла.

— Что?

— Ты утром сказала, что хочешь поспать. Но встала.

— Я встала приготовить завтрак.

— И кашу сделала, хотя он потом не ел.

— Это другое.

— Почему?

Она наклеила пластырь на его ладонь.

— Потому что взрослые иногда уступают друг другу.

— А дети?

— Дети тоже. Но не всегда.

— А когда не надо?

Вопрос оказался сложнее, чем должен был быть.

— Когда тебе больно. Когда страшно. Когда тебя заставляют делать что-то плохое.

— Доски носить не плохо.

— Нет.

— Значит, надо было носить.

Он сделал собственный вывод и успокоился.

А Лина — нет.

Потому что увидела, как быстро ребёнок учится считать допустимым всё, что невозможно назвать однозначно плохим.

Крик из-за ложки — это не удар.

Приказ встать на рассвете — это не наказание.

Доски до усталости — это не жестокость.

Открытая дверь — это не тюрьма.

Красная точка над воротами — это не слезка.

Для каждой вещи существовало разумное название.

Забота.

Воспитание.

Порядок.

Безопасность.

Семья.

После обеда Алексей снова стал мягким.

Он принёс из машины мороженое, Павлу — шоколадное,

Лине — с орехами. Будто запомнил, какое она любит.

— Мир? — спросил он.

— Мы воевали?

— Ты с утра какая-то напряжённая.

— Просто устала.

— Вот. А говорила, что Пашка устал. Сама себя загоняешь.

Лина посмотрела на него.

Он действительно мог не замечать противоречия. Мог искренне считать, что она сама решила приготовить, убрать, разобрать вещи, вымыть полы и накрыть на стол.

Он ведь не заставлял.

Только ожидал.

— Вечером отдыхай, — сказал Алексей. — Я ничего больше не попрошу.

— Спасибо за разрешение.

— Опять начинаешь?

— Я пошутила.

Он всмотрелся в её лицо, проверяя.

Потом рассмеялся.

— С тобой не поймёшь.

Павел ел мороженое молча.

— Вкусное? — спросил Алексей.

— Да. Спасибо.

— Завтра покажу, как рубанком работать.

Ложка в руке мальчика остановилась.

— Завтра в школу.

— После школы.

— Ему уроки делать, — сказала Лина.

— Сделает и поможет. Не весь же вечер над тетрадями сидеть.

— Посмотрим.

— Что там смотреть?

Лина не ответила.

Алексей взял телефон. На экране появилось уведомление с камеры.

— Кто-то у ворот.

Он открыл приложение.

На экране стояла пожилая соседка с пакетом. Она поступала в калитку и оглянулась по сторонам.

— Это тётя Валя, — сказал Алексей. — Наверное, яйца принесла.

Он вышел.

Лина смотрела на телефон, который остался лежать на столе. Изображение продолжало двигаться.

Алексей открыл калитку. Соседка передала ему пакет, что-то спросила. Он указал рукой на дом.

Женщина посмотрела прямо в объектив камеры.

Потом на экране появилась Лина — отражение в кухонном окне.

Она стояла внутри, но камера всё равно находила её.

Тётя Валя вошла ненадолго.

— Ну вот, — сказала она, увидев Лину. — Значит, правда хозяйка появилась.

— Мы пока только привыкаем, — ответила Лина.

— Чего привыкать? Дом хороший, мужчина работающий. За таким как за стеной.

Алексей довольно улыбнулся.

— Я ей то же самое говорю.

— Держись за него, — продолжила соседка. — Сейчас нормальных мужиков мало.

Потом она посмотрела на Павла.

— А это сынок?

— Павел.

— Ну, теперь у Алексея помощник будет. Здесь без мужских рук никак.

Павел вежливо улыбнулся.

— Уже помогает, — сказал Алексей. — Доски утром переносили.

— Молодец. Мужчина растёт.

Лина заметила, как Павел спрятал поцарапанную ладонь под стол.

Со стороны всё снова выглядело правильно.

Работающий мужчина.

Благодарная женщина.

Мальчик-помощник.

Дом, в котором наконец появилась хозяйка.

Никому из посторонних не было видно, кто встал раньше всех, кто приготовил завтрак, кто вымыл пол, кто носил доски и кто пил пиво, рассказывая о труде.

Впрочем, одна свидетельница была.

Камера над воротами.

Но и она видела только то, что происходило снаружи.

Вечером Алексей решил показать запись утреннего разговора.

— Смотри, — сказал он. — Ты говоришь, что я на тебя

давлю. А теперь посмотри со стороны.

Он поставил телефон перед Линой.

На экране она выходила на крыльцо.

Звука сначала почти не было. Только ветер и скрип досок.

Потом прозвучал её голос:

— Паш, иди попей.

Алексей что-то ответил, но находился дальше от камеры, поэтому слова утонули в шуме.

Зато Лину было слышно хорошо:

— Он не твой рабочий.

Потом снова неразборчивый ответ.

— Когда увижу, что он устал, буду.

Ещё одна пауза.

— Мы договорились привыкать постепенно.

Запись показывала только её реплики. Резкие, вырванные из разговора. Алексей почти не попадал в микрофон, потому что стоял ближе к забору.

— Слышишь свой тон? — спросил он.

— Слышу. А тебя почти не слышно.

— При чём здесь я?

— При том, что я не разговаривала сама с собой.

— Я говорил спокойно.

— Это запись не подтверждает.

— И не опровергает.

Он откинулся на спинку стула.

— Зато прекрасно слышно, как ты вышла и с порога на-

чала на меня нападать.

— Я увидела, что Паша устал.

— Посмотри на него. Он нормально доски носит.

На экране Павел медленно шёл через двор с длинной доской. Затем останавливался, менял руки и продолжал путь.

— Он едва её держит.

— Но держит.

— У него ладонь поцарапана.

— Царапина. Дети каждый день царапаются.

Лина посмотрела на сына. Павел сидел в комнате, но дверь по просьбе Алексея оставалась открытой. Оттуда доносился шелест страниц.

— Почему камера записала только меня? — спросила она.

— Не только тебя. Микрофон возле крыльца. Кто ближе, того лучше слышно.

— Значит, запись не показывает весь разговор.

— Она показывает то, что было.

— Часть того, что было.

Алексей закрыл приложение.

— С тобой невозможно. Даже когда сама себя слышишь, всё равно ищешь оправдание.

— Я не оправдываюсь.

— Тогда признай, что сорвалась.

Лина молчала.

Она действительно говорила резко.

Действительно вышла уже раздражённой.

Действительно могла попросить спокойнее.

— Хорошо, — сказала она. — Я была резкой.

— Вот и всё.

— Но это не значит, что я была неправа насчёт Паши.

Улыбка исчезла с его лица.

— Обязательно оставить последнее слово за собой?

— Я хочу, чтобы ты меня услышал.

— Я услышал. Ты всегда права, я всегда виноват.

— Я такого не говорила.

— Но смысл именно такой.

Он встал из-за стола.

— Первое утро в доме, а ты уже устраиваешь разборки.

Лина почувствовала, как опора уходит из-под ног.

Утром она защищала сына.

К вечеру оказалась человеком, который испортил их первый день.

— Я не хотела разборок.

— Тогда не надо было их устраивать.

Алексей взял бутылку и ушёл во двор.

На столе остался телефон с погасшим экраном.

Чёрное стекло больше ничего не показывало.

Но Лина уже увидела главное.

Запись не обязана быть ложной, чтобы лгать.

Иногда достаточно начать её на несколько секунд позже.

Встать чуть дальше от микрофона.

Сохранить реакцию и потерять причину.

Перед сном Лина закрыла дверь комнаты Павла.

Не до конца — только наполовину.

Алексей заметил.

— Мы же говорили.

— Он спит.

— И что?

— Ему мешает свет из коридора.

— Выключи свет.

— Тогда я не увижу дорогу в ванную.

— Оставь дверь открытой.

Лина посмотрела на него.

— Почему это так важно?

— Потому что это мой дом, и здесь двери всегда открыты.

Слова прозвучали жёстче, чем он, вероятно, собирался.

Мой дом.

Не наш.

Не семейный.

Мой.

Алексей, кажется, тоже услышал.

— Я в смысле — такая привычка, — добавил он. — После пожара. Если что-то случится, я должен сразу услышать.

Снова пожар.

Снова объяснение, против которого невозможно спорить, не показавшись бессердечной.

Лина открыла дверь шире.

— Хорошо.

— Спасибо.

Он поцеловал её в висок и ушёл в спальню.

Лина осталась в коридоре.

Павел лежал лицом к стене. На тумбочке стояла синяя машинка. Рядом — чёрный фонарик.

Она подошла, накрыла сына одеялом и хотела выйти, но он открыл глаза.

— Мам.

— Что?

— Можно завтра я не буду с рубанком?

— Можно.

— А если он скажет?

— Я с ним поговорю.

— Только не ругайтесь.

— Не будем.

— И не говори, что я попросил.

Лина почувствовала боль — тихую, точную.

Первым секретом сына в новом доме стало не разбитое окно и не плохая оценка.

Просьба защитить его так, чтобы хозяин дома не узнал.

— Хорошо, — прошептала она. — Спи.

Ночью ей приснилась кухня.

На столе лежала маленькая ложка.

Одна-единственная.

Лина открыла ящик — там находились только камеры. Десятки чёрных объективов вместо вилок и ножей.

Каждый показывал свой фрагмент утра.

На одном Павел отказывался вставать.

На другом Лина повышала голос.

На третьем Алексей молча стоял во дворе.

На четвёртом мальчик нёс доску.

Но ни на одном экране не было всего события целиком.

— Где начало? — спросила Лина.

Дом ответил:

— Начало никому не интересно.

— Тогда покажи правду.

— Выбери нужную камеру.

Она переходила от экрана к экрану, но правда всё время оставалась за краем кадра.

Потом возникли две двери.

На первой было написано:

ДОВЕРЯЙ ТОМУ, ЧТО ВИДИШЬ.

На второй:

ИЩИ ТО, ЧТО НЕ ПОПАЛО В КАДР.

Лина открыла вторую.

За ней стоял Павел.

Он держал в руках маленькую ложку, а на ладони у него была царапина.

— Мам, — сказал он, — если камера видит не всё, кто поверит тому, чего на записи нет?

За его спиной вспыхнула красная точка.

Лина проснулась.

Было ещё темно.

Рядом спал Алексей.

Из коридора падала полоска света: дверь Павла оставалась открытой, как потребовал хозяин дома.

Лина взяла телефон и открыла заметки.

Несколько секунд смотрела на пустой экран.

Потом написала:

Первое утро.

6:06 — Алексей разбудил Павла. Потребовал найти и надеть халат.

Завтрак — повысил голос из-за ложки.

После завтрака — Павел носил доски. Устал, поцарапал руку.

Камера записала только часть разговора. Мои слова слышны. Его — почти нет.

Она перечитала написанное.

Всё выглядело мелким.

Недостаточным.

Почти смешным.

Кто станет записывать спор из-за ложки?

Кто фиксирует время, когда ребёнка разбудили в выходной?

Кто сохраняет царапину?

Лина хотела удалить заметку.

Палец завис над экраном.

В этот момент за стеной раздались три коротких удара.

Она нажала «Сохранить».

Не потому, что уже понимала, что происходит.

Не потому, что готовилась защищаться.

Просто впервые почувствовала: однажды ей может понадобиться полная версия этого утра.

Та, которую не сохранила камера.

Лина положила телефон под подушку.

За окном начинало светать.

Через несколько часов дом проснётся окончательно. Алексей откроет первую бутылку. Павел постарается не забыть халат. Лина приготовит завтрак и будет внимательнее искать ложку.

Каждый из них сделал свой вывод из первого утра.

Алексей решил, что новые жильцы должны привыкнуть к его порядку.

Павел — что безопаснее выполнять просьбу прежде, чем она превратится в приказ.

Лина — что семье требуется время.

И только дом уже знал:

времени потребуется много.

Но не для того, чтобы они привыкли друг к другу.
Для того, чтобы перестать замечать то, к чему привыкли.

Глава 12. Четыре литра тишины

Первую бутылку Алексей открывал по-разному.

В рабочие дни — после возвращения домой.

В выходные — иногда сразу после завтрака.

Бывало, что ещё до него.

В восемь утра, в девять, в половине десятого.

Щёлкала крышка. Коротко шипела пена. Бутылка занимала место возле его руки, как чашка с чаем у другого человека.

Поначалу Лина считала.

Одну он выпивал, пока ходил по двору и осматривал забор. Вторую — когда начинал работу. Третью ставил рядом с инструментами. После обеда открывал ещё несколько.

Иногда бутылки были полуторалитровыми, иногда двухлитровыми. Иногда он покупал жестяные банки и складывал пустые в отдельный пакет.

В среднем выходило около четырёх литров в день.

Иногда меньше.

Чаще — больше.

Но Алексей никогда не лежал пьяным посреди комнаты. Не терял сознание. Не забывал собственное имя. Не шатался, не падал, не пел песни.

Он работал.

Это и стало главным доказательством его трезвости.

— Какой я алкоголик? — однажды спросил он, заметив

взгляд Лины. — Ты видела алкоголиков? Они под забором валяются. А я с утра на ногах.

Он действительно был на ногах.

Тянул вдоль участка новый забор. Обшивал сарай. Разбирал старые доски. Планировал пристройку. Измерял землю рулеткой, рисовал схемы на обороте магазинных чеков, сравнивал цены на материалы.

Пиво не мешало ему работать.

Оно было частью работы.

Как перчатки.

Как молоток.

Как музыка из переносной колонки.

— Я от него не пьянею, — объяснял Алексей. — Просто пить хочется.

— Можно воду.

— Вода не расслабляет.

— Значит, всё-таки расслабляет?

Он усмехался.

— Лина, не придумывай проблему там, где её нет.

И продолжал забивать гвозди точно в доску.

Дом быстро разделил обязанности.

Алексей занимался тем, что можно было показать.

Вот новый лист металла на крыше сарая.

Вот натянутая сетка.

Вот сложенные брусья.

Вот яма под столб.

Лина занималась тем, что к вечеру исчезало.

Еда съедалась.

Посуда снова становилась грязной.

Чистая одежда отправлялась в стирку.

Пол, вымытый утром, к обеду покрывался землёй с обуви.

Постель приходилось перестилать, продукты — покупать, школьные вещи Павла — проверять, счета — помнить, лекарства — искать, полотенца — менять.

Она вставала раньше, готовила завтрак, собирала Павла, провожала его, работала, возвращалась, готовила ужин и убирала.

Алексей привозил продукты.

Это было его постоянным участием в домашней жизни.

Он входил с пакетами, ставил их на стол и говорил:

— Разбирайте.

В одном пакете лежали хлеб, молоко, мясо и овощи.

В другом — пиво.

Иногда пива было больше, чем еды.

— Я всё купил, — говорил он.

Лина раскладывала покупки по местам, решала, что приготовить, проверяла сроки годности и составляла список того, чего всё равно не хватало.

Павел помогал ей.

Разбирал продукты, выносил мусор, вытирал посуду. По-

том Алексей звал его во двор.

— Пашка! Подай шуруповёрт!

— Пашка! Держи доску!

— Пашка! Я сколько раз говорил не уходить, пока не закончим?

Сын всё чаще вздрагивал от своего имени.

Но Лина продолжала объяснять:

— Он учит тебя.

— Чему?

— Мужской работе.

— А можно я не буду мужчиной сегодня?

Она улыбнулась, думая, что Павел шутит.

Он не улыбнулся в ответ.

Однажды Алексей принёс домой рулоны утеплителя.

— Выгодно взял, — сообщил он. — Остатки со склада.

Рулоны заняли половину коридора.

— Куда это? — спросила Лина.

— В пристройку.

— В какую?

— Которую будем делать рядом.

Он говорил о ней уже не впервые. Новое помещение должно было соединиться с домом: ещё одна комната, кладовая, возможно, небольшая кухня. Планы менялись, но каждый вариант требовал материалов.

— Мы ещё даже не решили, что строим.

— Если ждать, пока всё решим, цены вырастут.

— А хранить где?

— В сарае.

— Там сыро.

— Значит, сначала сарай до ума доведём.

Каждый ответ создавал следующую задачу. Каждая задача требовала денег.

Алексей показал ей чек.

— Сколько? — переспросила Лина.

— Нормально. Я же не каждый день покупаю.

Сумма была большой.

— У нас другие расходы есть.

— Какие?

— Школа. Одежда Паше. Еда. Коммунальные.

— Продукты я привожу.

— Не всё.

— Так докупай.

Слово прозвучало просто.

Лина работала. У неё были свои деньги. До переезда она сама оплачивала всё, что требовалось ей и сыну. Теперь Алексей говорил о доме как об общем проекте, и ей казалось справедливым участвовать.

— Сколько тебе не хватило? — спросила она.

Он назвал сумму.

Лина перевела деньги.

Телефон Алексея издал короткий сигнал.
Он посмотрел на экран и сразу улыбнулся.
— Вот. Теперь нормально.

Подошёл, поцеловал её и обнял за талию.
— Вместе мы быстро всё сделаем.

Его настроение изменилось мгновенно. До перевода он был напряжён, отвечал коротко, хмурился. После — снова стал тем мужчиной, который умел говорить о будущем так, будто оно уже построено.

Лина заметила перемену.
Но объяснила её облегчением.
Он переживал из-за расходов.
Теперь проблема решена.

В семье люди помогают друг другу.

Она ещё не знала, как легко помощь становится обязанностью, когда благодарность за неё длится меньше, чем перевод в банковском приложении.

В субботу им понадобилось ехать за досками.

Алексей начал пить около десяти утра. К часу дня на крыльце стояли две пустые полуторалитровые бутылки.

— Ты никуда не поедешь, — сказала Лина, когда он взял ключи от машины.

— Почему?

— Ты пил.

— И что?

— Как это — «и что»?

— Я не пьяный.

Он говорил чётко. Ходил ровно. Сам загрузил в багажник верёвки и перчатки.

— Лёш, там почти три литра.

— Не залпом же. За несколько часов.

— Какая разница?

— Большая.

Павел стоял в коридоре и слушал.

— Мы можем заказать доставку, — предложила Лина.

— За доставку заплатим половину стоимости досок.

— Тогда съездим завтра.

— Завтра дождь.

Алексей надел куртку.

— Всё, не начинай.

— Я не сяду в машину.

Он остановился.

— Не садись.

— И Паша не поедет.

Павел прижал к груди куртку.

Алексей посмотрел сначала на мальчика, потом на Лину.

— Я за руль отвечаю.

— А я отвечаю за ребёнка.

— Значит, мне можно разбиться, а вам нельзя?

— Никому нельзя.

— Тогда хватит делать из меня алкаша.

Он повысил голос на последнем слове.

— Я такого не говорила.

— Но думаешь.

— Я думаю, что после пива нельзя вести машину.

— Ты водитель?

— Нет.

— Тогда не учи меня.

Лина сжала губы.

Алексей достал телефон, открыл карту и показал маршрут.

— До базы семь минут. По прямой. Постов там нет.

— Дело не в постах.

— А в чём?

— В безопасности.

Он усмехнулся.

— Наконец-то ты заговорила моими словами.

Лина почувствовала, как смысл ускользает. Ещё секунду назад речь шла о том, что он пил. Теперь Алексей сделал её тревогу доказательством собственной правоты: если безопасность важна, значит, именно он лучше знает, что опасно.

— Мы остаёмся, — сказала она.

— Оставайтесь.

Он хлопнул дверью.

Через несколько секунд двигатель завёлся.

Лина вышла на крыльцо.

Камера повернулась к машине. Красная точка мигнула.

Ворота открылись, автомобиль выехал на улицу.

— Он злой? — спросил Павел.

— Пройдёт.

— Он правда может разбиться?

Лина обернулась.

— Нет.

Она ответила слишком быстро.

— Ты же сказала, может.

— Я сказала, что после пива опасно ездить.

— А он ездит.

— Он думает, что контролирует машину.

— А если нет?

Лина не знала, что ответить ребёнку, если взрослый мужчина только что отверг тот же ответ.

— Мы с ним ещё поговорим.

— Только не говори, что я спрашивал.

Эта просьба повторялась всё чаще.

Алексей вернулся через сорок минут.

Живой.

Трезвый на вид.

С досками.

Он сам заехал во двор, разгрузил часть материала и по-

звал Павла.

— Иди помогай.

Мальчик посмотрел на мать.

— Иди, — тихо сказала она.

Ей стало стыдно за собственный страх.

Ничего не произошло.

Машина цела. Доски привезены. Алексей не ошибся.

Именно так опасное поведение становилось привычным: каждый раз, когда последствий не наступало, риск начинал казаться преувеличением.

Алексей подошёл к Лине, когда Павел ушёл за перчатками.

— Успокоилась?

— На этот раз доехал.

— На этот раз? Я всегда доезжаю.

— Пока.

Он нахмурился.

— Не каркай.

— Это не суеверие.

— А что?

— Статистика.

— Какая ещё статистика? Ты алкотестер?

Лина отвернулась.

— Я не хочу спорить.

— Правильно. Потому что спорить не о чем.

Он открыл новую бутылку.

— Будешь?

— Нет.

— А то, может, расслабишься наконец.

Лина посмотрела на него.

В его голосе снова появилась почти шутливая мягкость.

Ссора для него закончилась, потому что он вернулся невредимым.

Только её страх никуда не исчез.

Он остался внутри, не имея права называться доказательством.

Вечером зашёл дядя Юра.

Как всегда, он был одет так, словно собирался не в соседнюю половину дома, а в ресторан: тёмные брюки со стрелками, чистая рубашка, жилет. Лишь мутный взгляд и запах выдавали, что он тоже пил.

В руках Юра держал свёрнутую газету.

— Это тебе, — сказал он Алексею.

Внутри оказался старый набор гаечных ключей.

— Нашёл у себя.

— Они ржавые.

— Почистишь.

Алексей осмотрел один ключ и бросил на стол.

— Посмотрим.

Юра перевёл взгляд на пустые бутылки возле стены.

Потом на новую в руке племянника.

— Много, — произнёс он.

— Кто бы говорил.

Юра не обиделся.

— Я не вожу.

— Потому что машины нет.

— Потому что знаю.

Между ними возникла пауза.

Алексей поставил бутылку.

— Что ты знаешь?

Юра пожал плечами.

— Как оно начинается.

— Иди к себе.

— Я у себя.

— На своей половине.

Юра посмотрел на Лину.

— Он всегда думает, что если стоит на ногах, значит, не упал.

— Хватит, — резко сказал Алексей.

— А падение раньше начинается.

— Я сказал, хватит.

Юра поднял руки, показывая, что не собирается спорить.

У двери он остановился.

— Девушка, — обратился он к Лине. — Если он говорит, что знает дорогу без полиции, это не значит, что дорога знает его.

— Юра!

— Ухожу.

Дверь закрылась.

Алексей взял бутылку.

— Не слушай его. Сам всю жизнь пьёт, теперь философом стал.

— Но он прав насчёт машины.

— Вы сговорились?

— Нет.

— Тогда закроем тему.

— Она не закрывается только потому, что ты так решил.

Он поставил бутылку на стол с такой силой, что пена поднялась к горлышку.

— Я никому не позволю командовать мной в моём доме.

Слова прозвучали громко.

Павел замер в дверях кухни.

Алексей заметил его.

— Что стоишь?

— Я хотел воды.

— Возьми.

Павел прошёл к раковине.

— И не подслушивай взрослые разговоры.

— Я не подслушивал.

— Тогда почему стоял?

— Я только пришёл.

— Воду взял — и иди.

Павел наполнил стакан. Рука у него дрожала, вода пролилась на столешницу.

— Ну вот, — сказал Алексей. — Вечно всё мимо.

— Я вытру.

— Конечно, вытрешь. Кто ещё будет?

Павел потянулся за тряпкой.

Лина забрала её первой.

— Иди в комнату.

— Лина, не надо за ним подтирать.

— Он испугался, потому что ты кричишь.

— Я разговариваю.

— Ты орёшь на весь дом.

Тишина наступила мгновенно.

Алексей побледнел.

— Что ты сказала?

Лина тоже испугалась, но отступить было поздно.

— Ты кричишь. На меня. На него. Из-за воды, ложки, досок. Из-за всего.

Павел остался у двери.

— Иди к себе, — повторила Лина.

Он убежал.

Алексей дождался, пока мальчик скроется.

— Не смей настраивать его против меня.

— Я этого не делаю.

— Ты при нём выставляешь меня чудовищем.

— Тебе для этого не нужна моя помощь.

Она произнесла фразу тихо.

Но Алексей услышал.

Его лицо изменилось. На мгновение Лина увидела человека, которого прежде замечала только в коротких вспышках: холодного, оскорблённого не словами, а самим фактом сопротивления.

Он шагнул к ней.

Лина не отступила.

Красная точка камеры горела за окном, но кухня находилась вне её поля зрения.

Здесь не было свидетелей.

— Ещё раз, — произнёс Алексей, — повтори.

Лина почувствовала, как сердце ударило сильнее.

И в этот момент за стеной раздался стук.

Три коротких удара.

Алексей повернул голову.

Секунда разрушилась.

Юра снова постучал — теперь в дверь.

— Что ещё? — крикнул Алексей.

— Ключи забыл.

Алексей выругался и вышел в коридор.

Лина осталась возле раковины.

Она смотрела на разлитую воду и понимала: только что произошло что-то важное.

Не крик.

Не угроза.

Даже не шаг в её сторону.

Важно было другое.

Она впервые испугалась того, что он может сделать дальше.

Ночью Алексей извинился.

Не сразу.

Сначала долго ходил по двору, затем принял душ и лёг спиной к Лине. Она тоже молчала.

— Я не хотел на тебя орать, — сказал он наконец.

— Но орал.

— Ты меня вывела.

— Значит, виновата я?

— Я не это сказал.

— Именно это.

Он повернулся.

— Я пытаюсь построить для нас дом. Работаю, всё сюда тащу. Думаю, как лучше. А ты смотришь на меня, будто я последний алкаш.

— Я боюсь, когда ты пьёшь и садишься за руль.

— Я понял.

— Правда?

— Да.

— Тогда не делай так.

Алексей вздохнул.

— Хорошо.

— Ты обещаешь?

— Постараюсь.

Не «обещаю».

Но Лина устала спорить.

— И не кричи на Пашу.

— Я не умею шептать.

— Не надо шептать. Просто говори нормально.

— Хорошо.

Он придвинулся и обнял её.

— Давай не будем портить то, что у нас есть.

— Я не хочу портить.

— Я тоже.

Его ладонь лежала у неё на животе. Тёплая, тяжёлая.

— Мы можем хорошо жить, — сказал Алексей. — Только

ты должна мне доверять.

Лина закрыла глаза.

В темноте доверие звучало как лекарство от всех конфликтов.

Если она перестанет сомневаться, он не будет злиться.

Если не станет считать бутылки, пиво перестанет казаться угрозой.

Если будет помогать с деньгами, строительство закончится быстрее.

Если научит Павла слушаться с первого раза, в доме станет тише.

В каждом решении снова требовалось изменить не Алексея.

Себя.

Через два дня он снова сел за руль после пива.

На этот раз Лина не поехала.

Но и не спорила.

Она стояла у окна, пока машина выезжала из ворот.

Камера повернулась вслед за ней.

Красная точка проводила автомобиль до дороги.

Лина открыла заметки и написала:

Пил с утра. После обеда уехал на машине.

Затем добавила:

Вернулся нормально.

Последняя фраза будто отменяла первую.

Она сохранила запись.

Дни начали складываться в одинаковую последовательность.

Утро.

Работа.

Пиво.

Двор.

Ужин.

Крик из-за мелочи.

Примирение.

Обещание.

Следующее утро.

Пустые бутылки исчезали в больших чёрных пакетах. Алексей сам выносил их, поэтому Лина не всегда видела, сколько накопилось.

Но однажды пакет порвался.

Бутылки покатались по двору.

Одна.

Вторая.

Пятая.

Десятая.

Павел начал собирать их.

— Осторожно, — сказала Лина. — Там края могут быть острыми.

— Они пластиковые.

— Всё равно.

Алексей вышел из сарая.

— Что встали? Собрали быстро.

Он говорил не ей.

Павлу.

Мальчик наклонился за следующей бутылкой.

Лина посмотрела на кучу пластика.

Если разделить количество на дни, снова получалось около четырёх литров.

Четыре литра каждый день.

Двадцать восемь в неделю.

Больше ста в месяц.

Она впервые представила весь объём сразу.

Не бутылки.

Жидкость.

Целую ванну пива, которую человек постепенно пропускал через себя, продолжая работать, водить машину, распоряжаться деньгами и объяснять остальным, как следует правильно жить.

— Много, — тихо сказала она.

Алексей услышал.

— Опять считаешь?

— Это невозможно не заметить.

— Я покупаю на свои.

— Дело не в деньгах.

— А в чём?

— В количестве.

Он посмотрел на бутылки, потом на неё.

— Я же не водку пью.

Фраза прозвучала как окончательное доказательство.

Павел поднял последнюю бутылку.

— Куда их?

— В новый пакет, — ответил Алексей.

Мальчик ушёл.

— Не обсуждай это при ребёнке, — сказал Алексей.

— Почему?

— Потому что он начнёт думать, что со мной что-то не так.

Лина посмотрела ему в глаза.

— А с тобой всё так?

Алексей медленно подошёл ближе.

— Да.

Ответ был спокойным.

Уверенным.

Почти убедительным.

— И если ты собираешься жить со мной, — добавил он,

— привыкай не искать болезни там, где их нет.

Он забрал пакет и пошёл к воротам.

Камера повернулась за ним.

В ту ночь Лине приснился прозрачный дом.

Стены исчезли. Потолок исчез. Каждая комната была видна сверху, как отделение кукольного дома.

На кухне стояла Лина.

В комнате сидел Павел.

Во дворе работал Алексей.

В соседней половине молчал Юра.

Между ними тянулись прозрачные трубы. По одной текло пиво. По другой — деньги. По третьей — слова.

«Я работаю».

«Я строю».

«Я отвечаю».

«Я знаю лучше».

Жидкость поднималась всё выше.

Сначала закрыла пол.

Потом ступни.

Колени.

Павел забрался на кровать.

Лина попыталась открыть дверь, но ручка оказалась снаружи.

Алексей продолжал забивать гвозди. Вода — или пиво — уже доходила ему до груди, но он словно не замечал.

— Ты тонешь! — крикнула Лина.

— Я стою на ногах, — ответил он.

— Вода поднимается!

— Это не вода.

— Тогда что?

Он посмотрел на неё.

— То, чего нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.